

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024060049

Переписка С. А. Толстой и Т. А. Кузминской: к творческой истории романа «Анна Каренина»

© 2024 г. Н. И. Городилова

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
natromanova2007@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается неизданная переписка С.А. Толстой с Т.А. Кузминской как важнейший эпистолярный источник о жизни и творчестве Л.Н. Толстого, не введенный до сих пор в широкий научный контекст. Письма сестер 1870-х годов в совокупности с признаниями писателя позволяют реконструировать историю создания «Анны Карениной»: восстановить ход событий, повлиявших на творческий процесс и создавших определенную духовную атмосферу в период писания романа, выявить круг творческих интересов автора, нередко отвлекавших его от уже начатого замысла, увидеть особенности его рабочего ритма. Письма С.А. Толстой, многие годы близко наблюдающей писателя и в повседневном быту, и в периоды творческого увлечения, создают цельный облик Толстого — не только писателя, но и мужа, отца, хозяина поместья, и рожают у читателя эффект присутствия в событии, которое давно стало историей. Письма Т.А. Кузминской, передающие читательское восприятие, вписываются в многочисленные отклики современников и одновременно выделяются среди них за счет близости корреспондента к семье автора. Эпистолярное общение двух очень близких людей позволяет взглянуть на шедевр мировой литературы как на часть семейной хроники Толстых.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, роман, мемуарно-эпистолярный источник, архив, творческая история произведения, рецепция, биографический контекст.

Для цитирования: Городилова Н.И. Переписка С.А. Толстой и Т.А. Кузминской: к творческой истории романа «Анна Каренина» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 6. С. 44–59. DOI: 10.31857/S1605788024060049

Correspondence to S. A. Tolstoy and T. A. Kuzminskaya: on the Creative History of the Novel “Anna Karenina”

© 2024 Natalia I. Gorodilova

Cand. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
natromanova2007@yandex.ru

Abstract. The article examines the unpublished correspondence of S.A. Tolstoy with T.A. Kuzminskaya as the most important epistolary source about the life and work of L.N. Tolstoy, which has not yet been introduced into a wider scientific context. Letters from sisters in the 1870-s. together with the writer's confessions, they make it possible to reconstruct the history of the creation of “Anna Karenina”: to restore the course of events that influenced the creative process and created a certain spiritual atmosphere during the writing of the novel, to identify the range of the author's creative interests, which often distracted him from an already begun plan, to see the features of his work rhythm. Letters from S.A. Tolstoy, who has closely observed the

writer for many years both in everyday life and during periods of creative passion, creates a complete image of Tolstoy — not only a writer, but also a husband, father, owner of the estate, and gives the reader the effect of being present in an event that has long ago become history. Letters from T.A. Kuzminskaya, conveying the reader's perception, fit into the numerous responses of contemporaries and at the same time stand out among them due to the closeness of the correspondent to the author's family. Epistolary communication between two very close people allows us to look at a masterpiece of world literature as part of the Tolstoy family chronicle.

Key words: L.N. Tolstoy, novel, memoir-epistolary source, archive, creative history of the work, reception, biographical context.

For citation: Gorodilova, N.I. *Perepiska S.A. Tolstoj i T.A. Kuzminskoj: k tvorcheskoi istorii romana "Anna Karenina"* [Correspondence to S.A. Tolstoy and T.A. Kuzminskaya: on the Creative History of the Novel "Anna Karenina"]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 6, pp. 44–59. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024060049

I

Значительная часть мемуарно-эпистолярных источников, в которых нашла отражение история создания романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», опубликована и введена в широкий научный оборот. Наиболее полно представлены материалы самого писателя. Правда, период работы над романом почти не отразился в его дневниках и записных книжках — отдельные записи 1873 и 1878 гг. содержат лишь скудные упоминания о новом произведении, — зато довольно много важных сведений запечатлелось в письмах. В этот период Толстой был особенно близок с Н.Н. Страховым и А.А. Фетом, продолжал многолетнюю переписку с А.А. Толстой и братом С.Н. Толстым — в письмах к ним с разной степенью подробностей автор рассказывал о ходе работы над «Анной Карениной», делился новыми творческими планами, высказывал важные суждения по вопросам эстетики, нередко сетовал на творческие кризисы, которые переживал крайне мучительно. Этот богатейший фактический материал убедительно реконструирует историю писания «Анны Карениной».

Еще одним важнейшим источником сведений о жизни и творчестве Толстого является мемуарно-документальное наследие его жены, Софьи Андреевны Толстой, значительная часть которого также издана. Отметим ее очерки воспоминаний, посвященные различным событиям из жизни большой семьи — женитьбе Толстого, его непростым взаимоотношениям с Тургеневым, смерти любимого сына Ванечки и др. Плодом многолетнего труда стала двухтомная книга воспоминаний «Моя жизнь», охватывающая значительный временной период — с 1844 по 1901 гг. Правда, пользоваться ее сведениями нужно критически: книга писалась по воспоминаниям с 1904

по 1916 гг. Соответственно, события 1870-х годов были для ее создательницы уже далеким прошлым, это и объясняло возникающие неточности в изложении ряда фактов. Скажем, действие романа «Анна Каренина», на самом раннем этапе работы над текстом, не открывалось драмой в семье Облонского, не было в ранних черновиках и знаменитой фразы о счастливых и несчастливых семьях [1, с. 213]. На неверность этого факта давно указали специалисты-текстологи, внимательно изучившие рукописи романа, — Н.К. Гудзий, подготовивший текст «Анны Карениной» и написавший ее творческую историю для Полного собрания сочинений писателя в 90 томах (Юбилейное издание) [2], а также В.А. Жданов и Э.Е. Зайденшнур, выпустившие роман в серии «Литературные памятники» [3].

На протяжении почти всей своей супружеской жизни С.А. Толстая вела дневник, первая запись в котором была сделана спустя две недели после замужества (8 октября 1862 г.), а последняя — 9 ноября 1910 г., после смерти Толстого. Дневник представляет собой интересный «сплав из реальных, фактов, рассказов» о жизни большой семьи и «из описаний внутреннего состояния своей души, лирических исповедей и психологических этюдов» [4, с. 9]. Но записи в него вносились нерегулярно, и за период с 1873 по 1877 гг. есть лишь несколько кратких упоминаний о романе. Софья Андреевна фиксирует факты: роман у Толстого идет хорошо (17 апреля 1873 г.) [4, с. 88], Толстой уехал в Москву держать корректуры для февральской книжки «Русского вестника» (27 февраля 1877 г.) [4, с. 92] и др.

Особый интерес для исследователей представляет отдельная тетрадь, названная «Мои записи разные для справок». Здесь Софья Андреевна поставила перед собой задачу — запечатлеть

«не вседневную» жизнь мужа, а «умственную» [4, с. 495]. Записи охватывают период с 1870 по 1881 г. и содержат сведения о различных замыслах Толстого, многие из которых остались невоплощенными, передают его суждения на разные темы, освещают круг чтения. Здесь имеются сведения, которые не зафиксированы больше ни в одном документе о Толстом. Об «Анне Карениной» есть несколько ценных упоминаний: Софья Андреевна сообщает, когда Толстой приступил к работе над романом, какие впечатления вызывали творческий подъем, как создавались отдельные сцены.

Но эпистолярное наследие С.А. Толстой издано не в полном объеме. В архиве Государственного музея Толстого хранится довольно значительная по объему переписка Софьи Андреевны с младшей сестрой, Татьяной Андреевной Кузминской. Частично сведения из этого источника использовали Н.Н. Гусев [5]; [6] и П.И. Бирюков [7] для своих больших биографических работ о Толстом, а также Н.К. Гудзий при написании творческой истории романа, но использовали локально, чаще всего в качестве обоснования датировок, для восстановления хронологии работы над романом. В целом это соответствовало тем задачам, которые ставили перед собой специалисты. Но в таком случае факты, поскольку они приводились вне того событийного и, главное, эмоционального контекста, в котором они сообщались, оставались только сухими фактами. Часто выписки из писем ограничивались у исследователей сообщениями о Толстом и редко передавали реакцию, настроение, переживания Софьи Андреевны¹. При таком подходе к эпистолярному источнику утрачивалось нечто важное — целостность восприятия облика Толстого, ведь его жизнь не состояла исключительно из литературных занятий. Он был не только писателем, но и главой большой семьи, мужем, отцом, хозяином поместья. Письма Софьи Андреевны дают возможность увидеть знаменитого автора как за письменным столом, так и в повседневных делах и заботах, во взаимоотношениях с женой и детьми, в кругу родных и гостей. То он на весь день уходит на охоту, пока не ладится творческая работа, то поздними вечерами, когда «весь дом спит», купив в Москве «пропасть нот», музицирует с женой в четыре

руки² или читает с ней вслух английские романы, то участвует в подготовке новогодней елки и ездит в Москву за подарками для детей и гостей, то знакомит детей с романами Жюль Верна («И дети весь день с нетерпением ждут этого <...>»³) или делает «маленькие задачи сложения и вычитания» с сыном Львом⁴, а то вдруг с Степаном Берсом «сцепился спорить о математике и весь мир забыл»⁵. Маленькие и большие события, о которых рассказывала С.А. Толстая, наглядно воссоздавали, как справедливо отмечала ее сестра в письме от 3 ноября 1874 г., атмосферу яснополянского быта, где каждая подробность интересна и важна. Вседневные события, бытовые эпизоды становились естественной рамой творческого процесса и не могли не влиять на него. Растянувшаяся на несколько лет публикация «Анны Карениной» в «Русском вестнике» объяснялась не только своеобразием творческого режима писателя, но и происходящими в семье событиями, выбивающими Толстого из рабочего настроения. Конечно, многие факты, о которых сообщает Софья Андреевна о муже, известны специалистам по его собственным отзывам, но от этого ее письма не теряют своей ценности, поскольку содержат наблюдения близкого человека, живущего бок о бок с неординарным творческим человеком и видящего ежедневно его сосредоточенную жизнь [4, с. 87]. Кроме того, Софья Андреевна более подробно рассказывает о тех же событиях, которыми и Толстой делился в письмах к друзьям и родным, но делился часто по-мужски скупой и лаконично. Софья Андреевна была безмерно привязана к Татьяне Андреевне, видела в ней близкого друга⁶, с которым можно было обсудить самые разные темы, и эта высокая степень доверия к сестре рождала откровенность многих признаний и, что не менее важно, эмоциональность высказываний. Переписка сестер — это

² Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 6 февраля 1874 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 38383. Л. 2 об.

³ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 9 января 1874 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3171. Л. 2 об.

⁴ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 12 декабря 1875 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3194. Л. 2.

⁵ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 28 декабря 1874 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3181. Л. 2 об.

⁶ В своих письмах Софья Андреевна нередко обращается к сестре — голубчик, голубчик милый, «мой друг, самый милый и дорогой» (Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 20 августа 1871 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3134. Л. 2 об.), а в письме от 14 января 1873 г. она пишет о Татьяне Андреевне как о самой для нее «близкой во всем свете» (Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 14 января 1873 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3158. Л. 1 об.).

¹ Например, Н.Н. Гусев, цитируя в «Материалах к биографии...» письмо С.А. Толстой к сестре от 20 марта 1873 г., приводит только ее слова о том, что Толстой начал писать новый роман, и пропускает эмоциональную реакцию — «Я этому рада <...>» [5, с. 133].

задушевный разговор двух очень близких людей, не скованный внутренней цензурой. В августе 1871 г. Татьяна Андреевна переехала жить на Кавказ в связи с переводом по службе мужа, Александра Михайловича Кузминского, назначенного прокурором в Кутаиси. Софья Андреевна тяжело переживала отъезд сестры. В ее дневнике есть проникновенное признание: «В душе пусто, грустно и страх перед жизнью врозь от такого друга <...>. Я чувствую, что у меня оторвана часть моей души <...>. Что-то во мне умерло, и я знаю это горе, которое не выплачешь сразу, а которое годами продолжается и отзывается при всяком воспоминании нестерпимой болью души» [4, с. 84]. И первые письма ее к сестре проникнуты сильным чувством горечи от разлуки: «Милая Таня, так ты еще сильно живешь в нашем доме, так всякая безделица и дышит еще тобой, что я ни на минуту не могу забыть о тебе, и эти воспоминания тебя и всей твоей жизни у нас так больно меня давят, что единственное средство облегчиться — написать скорей тебе и выплакаться над письмом этим»⁷. Переписка сестер не только знакомит с фактами жизни Толстого в 1870-е годы, но создает у читателя впечатление непосредственного присутствия в событиях, его совместного переживания вместе с семьей Толстых. Однако необходимо сделать важную оговорку. В письмах Софьи Андреевны личность Толстого раскрывается все-таки не во всей своей диалектической сложности, в них ничего не сказано о внутренних сомнениях, о мучительных религиозных исканиях автора, которые особенно усилились в период писания «Анны Карениной», поэтому и история создания романа, восстановленная по ее рассказам сестре, не охватывает всего многообразия внешних и внутренних фактов, влиявших на нее, и имеет некоторую долю условности.

II

Многие годы Софья Андреевна была верной помощницей Толстого в его литературных трудах, переписчиком произведений, прекрасно разбирающимся не всегда простой почерк и умеющим читать сильно замаранные черновики⁸. Как жена писателя она была близкой свидетельницей творческого процесса и с разной степенью подробностей делилась своими наблюдениями с сестрой. С 1873 по 1877 г. «Анна Каренина» займет свое

место в переписке сестер. Отзывы Софьи Андреевны в совокупности с признаниями самого Толстого позволяют воссоздать атмосферу их жизни в период писания романа.

Первое упоминание о возникновении нового художественного произведения встречается в письме от 19 или 20 марта 1873 г.: сообщая сестре, что Толстой «вдруг», «неожиданно» начал писать «роман из современной жизни»⁹, Софья Андреевна зафиксировала важный перелом в литературных занятиях мужа¹⁰. Сюжет о неверной жене настолько «взял <...> за душу» [9, с. 25], что Толстой оставил исторический роман из времен Петра I, над которым долго и мучительно работал с зимы 1870 г. и исторические лица которого, как очень точно замечает Софья Андреевна в том же письме, до сих пор «еще не дышат»¹¹. При этом работа над «Анной Карениной» протекала очень неровно, периоды вдохновенного увлечения замыслом сменялись охлаждением и даже отвращением к роману, отчаянием в своих силах¹²: непросто создавался этот первый в жизни Толстого «именно роман» [9, с. 25] по многим причинам. Тут и непростые жизненные обстоятельства, и непредсказуемость творческого процесса, и, главное, упорное нарастание того чувства неудовлетворенности жизнью, которое не позволило Толстому уйти с головой в мир художественных образов и которое привело к серьезному мировоззренческому кризису. Неслучайно вслед за «Анной Карениной» Толстой выпустит «Исповедь» [10, с. 397].

Период создания романа совпал с довольно непростой полосой в жизни семьи Толстых. Первая же остановка в писании была вызвана горестными событиями — смертью в начале мая 1873 г. старшей дочери Кузминских Даши, потрясшей Толстых не меньше, чем если бы они потеряли собственного ребенка, и гибелью (это был уже второй несчастный случай) пастуха от быка, которая «ужасно поразила» писателя [9, с. 31].

⁹ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 20 марта 1873 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3161. Л. 2. Вариативность даты объясняются тем, что первоначально написанная цифра 19 была исправлена Софьей Андреевной на 20.

¹⁰ О неожиданном увлечении новым творческим замыслом писал и Толстой. В частности, Н.Н. Страхову он признавался 25 марта 1873 г., что «Анна Каренина» родилась «неволью, нечаянно» [9, с. 16].

¹¹ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 20 марта 1873 г. Л. 2 об.

¹² В письмах Толстого встречаются полярные оценки своего произведения: «очень живой, горячий» роман [9, с. 16] со временем превращается в «скудную, пошлую» «Анну Каренину» [9, с. 197].

⁷ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 20 августа 1871 г. Л. 1.

⁸ И.Л. Толстой вспоминал про отца: «У него был плохой почерк и ужасная манера вписывать целые фразы между строк, в уголках листа, а иногда даже и поперек» [8, с. 107].

Налаженная осенью 1873 г. работа над романом снова неожиданно останавливается — 9 ноября 1873 г. умирает младший сын Толстых Петя. Это была первая смерть в семье за 11 лет, и на некоторое время привычная жизнь расстроилась. Оба родителя понимали, что легче пережить смерть маленького, чем взрослого, ребенка, но, как писал Толстой А.А. Фету, «сердце, и особенно материнское <...> не рассуждает, и жена очень горюет» [9, с. 55]. В письме от 18 ноября Софья Андреевна делится горем с сестрой: «Прошло уже десять дней, а я хожу все, как потерянная, все жду услышать, как бегут быстрые ножки и как кличет его голосок меня, еще издали. Ни один ребёнок не был ко мне так привязан, и ни один не сиял таким весельем и такой добротой. Во все грустные часы, во все минуты отдыха после ученья детей, я брала его к себе и забавлялась им, как никем из других детей не забавлялась прежде. И теперь все осталось — но пропала вся радость, все веселье жизни»¹³. И далее: «И пошла опять теперь наша жизнь по-старому, и только для меня одной потух радостный свет в нашем доме — свет, который давал мне весёлый, любящий добряк Петя и которым освещались все мои самые грустные минуты» [6, с. 175]. Но налаживалась жизнь на старый лад довольно трудно. 19 декабря¹⁴ 1873 г. Софья Андреевна сообщала сестре о муже: «После смерти Петюшки он долго не мог приняться за дело <...>»¹⁵. Петя, «для отца еще не имеющий никакой прелести», тем не менее, как признавался Толстой, «оставил такую пустоту в доме», которой никто не ожидал [9, с. 56]. Проходит пара месяцев, и 27 февраля 1874 г. Софья Андреевна, сообщая сестре о поразившей всех смерти брата Володи Берса, признается: «Полоса несчастий еще не прошла над нашей семьей, и так и гнешь голову, как бы ожидая еще новых и новых ударов»¹⁶. Рассказав сестре подробности о болезни брата, которые ей удалось узнать из письма матери, она снова возвращается к мучившим ее переживаниям: «К какому мрачному, безвыходному взгляду на жизнь привели меня эти три близкие мне смерти: Даши, Пети и Володи — ты не можешь себе представить. Несмотря на всю мою бодрость духа, на способность находить спокойное и счастливое в жизни,

теперь я почти утратила эту способность. Смотрю на своих детей и думаю: зачем я их учу, и мучаю, и браню, может быть, и жить не будут»¹⁷.

Эти события задали своеобразный эмоциональный камертон писанию романа: впереди семью Толстых ожидало еще несколько серьезных испытаний. Подготовка материала для первых номеров журнала «Русский вестник» с главами из «Анны Карениной» осложнилась тяжелой болезнью, а затем и мучительной смертью (ужасные страдания растянулись почти на месяц) 20 февраля 1875 г. грудного сына Николеньки. Толстому было вдвойне тяжело: и за сына, и за жену, которая должна была ходить за ребенком и одновременно ждать его смерти. Софья Андреевна очень подробно описала свои переживания этого времени в письме к сестре от 23 февраля 1875 г.: «Все дни и все ночи я не спускала с рук ребенка; едва успевала урывками есть, а спала часа по два в ночь, а то иногда только сидя на стуле. Я все слёзы свои выплакала над ним в эти длинные ночи, в которые я его, горящего, держала на руках и знала, что он плох»¹⁸. И далее: «Последнюю ночь я от усталости и прилива молока совсем изнемогла и сидел Лёвочка. При нём и умер мальчик. Он очень жалеет и жалел его; такой был чудесный, энергический, живой и полный огня мальчик. Такие и не живут»¹⁹. Насколько тяжело переживал эту смерть Толстой, свидетельствуют его слова А.А. Толстой, спустя чуть больше года после смерти сына, о том, что «до сих пор больно, очень больно вспоминать эту ужасную неделю его умирания» [11, с. 328]. Не менее драматично и завершался 1875 год. Начавшийся в семье коклюш, с мучительными припадками кашля, вызвал осложнения, а затем и тяжелые роды у Софьи Андреевны. Оказавшись на грани жизни и смерти, она родила на 5-й день болезни крошечную девочку, «которая закричала довольно громко, но потом все утихла и через 1 ½ часа умерла»²⁰. Не успела оправиться от болезни Софья Андреевна, как слегла и вскоре умерла «в страшных мучениях» [11, с. 328] недавно переехавшая из монастыря на постоянное проживание в Ясную

¹³ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 18 ноября 1873 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3169. Л. 1 об.

¹⁴ В 90 томном Полном собрании сочинений (Юб. изд.) письмо ошибочно датировано 18 декабря [2, с. 591].

¹⁵ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 19 декабря 1873 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3170. Л. 1 об.

¹⁶ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 27 февраля 1874 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3172. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 23 февраля 1875 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3183. Л. 1 об.—2.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 25 ноября 1875 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3193. Л. 1—1 об. Преждевремен-но рожденную и вскоре умершую 30 октября 1875 г. девочку окрестили Варварой.

Поляну тетушка Пелагея Ильинична Юшкова²¹: «Она лежит три недели в постели, нога болит в коленке ужасно, лихорадочное состояние, ничего не ест, кроме двух, трех ложек бульону в сутки, стонет и страдает»²². Толстой признавался А.А. Толстой 8...12 марта 1876 г., что «эта смерть старухи 80-ти лет» подействовала на него так, как никакая другая [11, с. 328], и он постоянно о ней думает. Свидетельствует об этом и Софья Андреевна. Так, 12 декабря 1875 г. она сообщает сестре, что Толстой «очень принимает к сердцу»²³ болезнь тетеньки, а 25 декабря снова повторяет, что, «если б не вся эта грустная история с тетенькой», очередные главы появились бы уже в январском номере журнала, «а теперь вряд ли успеют»²⁴. Так ушла из жизни последняя представительница старшего поколения семьи. За год до этого, 20 июня 1874 г. умерла любимая воспитательница Толстого, Т.А. Ергольская, смерть которой хотя и была вполне ожидаемая, поскольку «она медленно и равномерно умирала», но все же ставшая «единственным и неожиданно поразительным событием» [9, с. 96]. С утратой П.И. Юшковой и Т.А. Ергольской для Толстого «разорвалась одна из важных связей с прошедшим» [9, с. 108], с поколением его родителей, с эпохой детства и юности, и он переживал этот разрыв болезненно.

Известны многочисленные признания Толстого, как «ужасно тяжело было» ему осенью 1875 г. [9, с. 216]. Не раз писала о гнетущей атмосфере этого времени и Софья Андреевна: «Сегодня мои именины и очень одинокие, и грустно, что все больны»²⁵; «Все больны, выйти нельзя, и полгода ужасная»²⁶; «Ужасно все это тяжело, и я так стала нетерпелива; и совестно, а ропшу и тоскую часто, что на нас все напасти»²⁷. С нового 1876 г.

жизнь семьи начала постепенно налаживаться, Толстой принялся за «Анну Каренину», но в феврале 1876 г. он признавался брату С.Н. Толстому: «Я пишу и довольно много занимаюсь, дети хороши, но всё это не веселит нисколько» [9, с. 248]. Думается, что причина тревожного настроения Толстого заключалась во многом в его страхе за здоровье жены. Это подтверждает и Софья Андреевна, писавшая Кузминской: «<...> Лёвочка моим нездоровьем тревожится, и я ему мешаю часто этим заниматься» [2, с. 619]. Толстой так определил главную перемену в своей семейной жизни этого времени: жена из бодрой и энергичной женщины превращается в болезненную натуру [9, с. 243], а без здоровья жены нет благополучия в доме [9, с. 253]. Действительно, начиная с 1874 года, в своих письмах к сестре Софья Андреевна часто жалуется на недомогание, которое стало постоянно тревожить ее. Рассказывая сестре о перенесенных осенью 1875 г. страданиях, она отмечала: «Во время моей болезни тетенька Полина была очень полезна и добра. Хозяйничала, за детьми и гувернантками смотрела и была *центр*, все знали, к кому обращаться, что очень важно»²⁸. Таким центром была Софья Андреевна для своей семьи (А.А. Фет очень точно назвал ее «главным нервным узлом <...> семейного организма» Толстых [9, с. 217]): налаживая быт, присматривая за детьми и людьми, она как хозяйка большого дома, в том числе создавала комфортную для творческих занятий Толстого атмосферу. Правда, заботы о семье не могли не затрагивать и писателя. В период писания «Анны Карениной» старшие дети подросли и стали требовать к себе уже значительно большего внимания, их воспитание с 1874 г., по признанию писателя, «как будто поднялось на новую ступень» [11, с. 318]: они очевидно переросли дядек и нянь, и родителям необходимы были серьезные помощники. Письма Софьи Андреевны очень живо передают ту постоянную тревогу, которую она испытывала в связи с взрослением детей. Поиск учителей, забота о том, чтобы дети не отставали от общего уровня образования, переживания за их успехи и неудачи, волнения в связи с замечаемыми в них дурными наклонностями — все эти темы неоднократно поднимаются в переписке сестер и передают те заботы, которые волновали и Толстого. Неслучайно в письмах Софьи Андреевны часто встречаются признания такого рода: «<...> вся

²¹ Пелагея Ильинична Юшкова заболела 20 ноября и скончалась 22 декабря 1875 г.

²² Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 12 декабря 1875 г. Л. 1–1 об.

²³ Там же. Л. 2.

²⁴ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 25 декабря 1875 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3195. Л. 2 об.

²⁵ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 17 сентября 1875 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3191. Л. 2. В Полном собрании сочинений Толстого в 90 томах письмо ошибочно датировано 27 сентября [2, с. 617].

²⁶ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от <14 октября 1875 г.> // ОР ГМТ. Ф. 25. №. 3192. Л. 2. Здесь и далее, в случае отсутствия в письме числа и года, приводится датировка, установленная сотрудниками ОР ГМТ.

²⁷ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 12 декабря 1875 г. Л. 1 об. Здесь описаны впечатления от болезни тетеньки П.И. Юшковой.

²⁸ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 25 ноября 1875 г. Л. 2 об.

моя жизнь это есть обучение детей; я только это и делаю и только об этом и думаю<...>²⁹.

К 1870-м годам у Толстого сложился определенный ритм работы, который также значительно влиял на творческий процесс. Письма Софьи Андреевны с сообщениями о занятиях мужа выявляют заметную закономерность:

Толстой «налаживается писать и ходит на охоту»³⁰; «Лёвочка еще совсем почти не занимается, все охотится и говорит, что “не идёт”» (17 сентября 1875 г.) [6, с. 207]; «Лёвочка взялся очень усердно за Анну Каренину <...>³¹; «<...> Лёвочка, не разгибаясь, сидит над мартовской книгой <...>³².

«<...> Лёвочка за писанье свое еще не взялся <...>», но «много читает и гуляет и думает, собирается писать» (19 октября 1876 г.) [2, с. 622]³³; «Лёвочка совсем не пишет, в унынии и все ждет, когда уяснится у него в голове и пойдет работа» (11 ноября 1876 г.) [2, с. 622]; «Анну Каренину мы пишем наконец-то по-настоящему, т.е. не прерываясь. Лёвочка, оживленный и сосредоточенный, всякий день прибавляет по целой главе; я усиленно переписываю <...>» (9 декабря 1876 г.) [6, с. 210]; 25 февраля 1877 г. Софья Андреевна сообщает об «усиленном писанье», которое и могло стать причиной головных болей³⁴; 12 марта 1877 г.: «Все это время он много писал, и во всякой книге Вестника печатается Анна Каренина. В апрельской книге будет конец, и над ним теперь придёт еще много работать»³⁵.

Таким образом, наиболее плодотворное рабочее время совпадало с зимой и ранней весной³⁶, летом же наступало любимое писателем «состояние праздности умственной» [9, с. 96], а осень,

особенно первая ее половина, уходила на внутреннюю подготовку к работе. Роман, по сути, был написан в несколько этапов весенне-зимнего периода. Отметим стадии наиболее интенсивного писания «Анны Карениной». Март — середина мая 1873 г. — самый первый этап работы над текстом, когда автор был по-настоящему увлечен новым замыслом. Сохраняется интерес к роману и в ближайший рабочий сезон (сентябрь 1873 г.³⁷ — начала марта 1874 г.), неслучайно во многих письмах этого времени Софья Андреевна сообщает сестре, что усиленно переписывает «Анну Каренину» (см. письма от 9 января, 6 февраля и 2 марта 1874 г.). «Страшно возбужденно», по словам Толстого, он жил в январе — апреле 1875 г. [9, с. 142]: новое страстное увлечение педагогикой (открытие школ, печатание «Новой Азбуки», составление грамматики и задачника), рождение «сюжета нового писанья» [9, с. 149] заметно снизили интерес к роману, и только договор с журналом «Русский вестник»³⁸ побудил автора, как пишет Софья Андреевна 30 января 1875 г., «по неволе» засесть за «Анну Каренину»³⁹. Декабрь 1875 г. — апрель 1876 г. — «нравственно очень тяжелая зима» [9, с. 248], которой предшествовала грустная осень с серьезной болезнью домашних; работа над романом, который кажется теперь автору скучным и надоевшим, продвигается вперед, но отсутствие душевного спокойствия, необходимого для творчества, значительно замедляет рабочий процесс. Середина ноября 1876 г. — май 1877 г. — период завершения романа, когда Толстой вошел в «состояние веселой работы» [9, с. 304], состояние, очень близкое к тому, которое он испытал в самом начале писания.

Рассказы Софьи Андреевны позволяют увидеть и другую «постоянную» творческого процесса: зависимость настроения Толстого от работы. Когда роман успешно продвигался вперед, автор испытывал душевный подъем и внутреннее удовлетворение, и наоборот, остановки в писании, объяснимые различными причинами, иногда и

²⁹ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 6 февраля 1874 г. Л. 2.

³⁰ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 26 августа 1875 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3190. Л. 3 об.

³¹ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 25 декабря 1875 г. Л. 2 об.

³² Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 17 марта <1876 г.> // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3216. Л. 2.

³³ В 90-томном Полном собрании сочинений Л.Н. Толстого, откуда взята цитата, а также у Н.Н. Гусева [5, с. 242] письмо неверно датировано 10 октября. См.: Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 19 октября 1876 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3203. Л. 2 об.

³⁴ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 25 февраля 1877 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3213. Л. 3.

³⁵ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 12 марта 1877 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3215. Л. 1 об.

³⁶ См., напр., письма Толстого к А.А. Фету от 29 февраля...1 марта 1876 г. [9, с. 253] и от 22...23 марта 1877 г. [9, с. 315-316].

³⁷ Правда, 23...24 сентября 1873 г. Толстой признавался Н.Н. Страхову, что ему осенью всегда не хватает «внутреннего света» для настоящего увлечения творчеством [9, с. 49], и тому же корреспонденту сообщал, что работа над романом «пошла хорошо в ход» только в декабре [9, с. 61].

³⁸ Вопреки желанию Толстого издавать роман отдельной книгой, он был вынужден пойти на соглашение с журналом ввиду необходимости в короткий срок найти довольно крупную сумму денег для приобретения имения. Правда, было в этом решении и желание «связать» себя обязательствами, чтобы завершить работу над романом [9, с. 121].

³⁹ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 30 января <1875 г.> // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3182. Л. 1 об.

отсутствием «расположения духа», необходимого для работы [9, с. 61], вызывали уныние, апатию и даже отчаяние. Но обе фазы — и рабочая, и вынужденно бездеятельная — сопровождались сильным физическим и эмоциональным напряжением: Толстой никогда не писал спокойно, но всегда «усиленно», возбужденно и крайне тяжело переносил периоды, когда в занятиях почему-либо возникал перерыв. Софья Андреевна была права, сообщая сестре, что писание у Толстого шло «всегда в ущерб его здоровью»⁴⁰.

Интересны письма Софьи Андреевны не только сообщением разнообразных сведений о деятельности мужа, но и ее восприятием писания Толстого, ведь долгие годы именно она была первым его читателем. Правда, в ее посланиях к сестре довольно редко встречаются непосредственно оценочные высказывания об «Анне Карениной», и, как правило, они довольно лаконичны. 19 декабря 1873 г. она делится своим первым читательским впечатлением, говоря, что роман «очень будет хорош»⁴¹. Дважды хвалит Софья Андреевна главы, появившиеся в февральской книге «Русского вестника» за 1876 г. Около 21 февраля 1876 г. она коротко сообщает, что «очень хорошо» то, что недавно опубликовано⁴². И в следующем письме от 17 марта 1876 г. снова повторяет: «Январская книга не очень хороша, но февральская, по-моему, чудесна <...>»⁴³. Отметим, что и Толстой, который редко испытывал чувство удовлетворения от написанного, остался доволен главами, о которых писала его жена. По свидетельству Н.Н. Страхова, начало 4-й части романа вызвало всеобщий «крик удовольствия» и привело всех «в неистовый восторг» [12, с. 253].

Более интересны признания Софьи Андреевны другого рода, признания, свидетельствующие о том, что писательское дело мужа — очень важная часть ее жизни. Она неоднократно говорит сестре, как огорчает ее, когда Толстой не пишет, когда у него «не идет» работа. Например, 16

октября 1874 г. читаем: «Роман совсем заброшен, и это меня огорчает» [6, с. 175]⁴⁴. О том же и в письме от 19 октября 1876 г. В переживаниях Софьи Андреевны есть, конечно, беспокойство за здоровье близкого человека, слишком интенсивно отдающего себя работе и мучительно переживающего периоды творческого упадка, но есть и нечто другое, нечто похожее на авторское самолюбие. Очень показательны с этой точки зрения письма осени 1874 г., когда Толстой страстно погрузился в дело народных школ и совсем не занимался «Анной Карениной». Софья Андреевна признавалась Кузминской, что не может по-настоящему сочувствовать школам (письмо от 26 ноября и 10 декабря 1874 г.) и что «эти азбуки, арифметики, грамматики» презирует [6, с. 194] и считает своим истинным делом «переписывать бессмертную Войну и мир или Анну»⁴⁵. Она с некоторой долей иронии называет себя настоящей писательской женой⁴⁶, но в этой иронии скрыто глубокое личное чувство. Для нее художественное творчество мужа — это своего рода выход из повседневных бытовых забот, особая сфера духовных интересов, поэтому она и волнуется «ужасно» писанием Толстого, и наслаждается им, и испытывает недостаток чего-то очень важного в своей жизни, когда художественная работа не занимает писателя⁴⁷. Софья Андреевна любит переписывать черновики мужа, или, если говорить ее словами, она этим не скучает⁴⁸. В сознании юного тогда Илюши Толстого осталось воспоминание об «Анне Карениной» как романе, «над которым работают одинаково и папá и мамá», и труд Софьи Андреевны казался мальчику даже большим, так как переписывала она все свободное время и спать ложилась поздней ночью [8, с. 107].

Софья Андреевна таким образом чувствовала свое приобщение, хотя бы частичное, к творческому процессу, с одной стороны, и более тесную связь, единение с мужем, с другой. Неслучайно иногда Софья Андреевна употребляет местоимение «мы», когда говорит о писании Толстого: «наше авторское дело»⁴⁹, «Анну Каренину мы пишем наконец-то по-настоящему <...>» (9 декабря

⁴⁰ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 19 декабря 1873 г. Л. 1 об.

⁴¹ Там же. Л. 2 об.

⁴² Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от «около 21 февраля 1876 г.» // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3199. Л. 3.

⁴³ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 17 марта <1876 г.> // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3216. Л. 2.

Ср. слова Толстого Н.Н. Страхову в середине февраля 1876 г.: «Первая книга суха, да и кажется плоха, но нынче же посылаю корректуры 2-й книги, и это, я знаю, что хорошо» [9, с. 247]. В январском номере журнала были опубликованы главы XI–XXVIII третьей части романа, а в февральском — главы I–XV четвертой части.

⁴⁴ В книге Н.Н. Гусева, откуда приводится цитата, письмо неверно датировано 1873 г.

⁴⁵ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 10 декабря 1874 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3180. Л. 2 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 2.

⁴⁸ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 12 марта 1877 г. Л. 1 об.

⁴⁹ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 10 декабря 1874 г. Л. 2 об.

1876 г.) [6, с. 210]. И успех романа, конечно, не мог ее не радовать. 25 января 1877 г. она откровенно признается сестре: «<...> упиваюсь с наслаждением славой своего супруга»⁵⁰. Летом 1875 г., без большого желания собираясь выезжать из Ясной Поляны в Самарские края (на кумыс) и тем самым лишаясь совместно проведенного лета с любимой сестрой, Софья Андреевна находит утешение в том, что муж «на всю зиму сохранит свое здоровье и будет легко заниматься<...>»⁵¹.

Софья Андреевна каждодневно наблюдала занятия Толстого, хорошо знала особенности его писательской манеры, поэтому ее письма содержат интересные штрихи творческого облика писателя. Так, она сообщает сестре, что Толстой «по своей всегдашней привычке перемарывает и переделывает без конца»⁵². Неслучайно еще в самом начале работы она чутко уловила, что окончание нового романа — это дело отдаленного будущего (см. ее письма от 19 декабря 1873 г. и от 6 февраля 1874 г.). Слишком хорошо знала и близко наблюдала Софья Андреевна, какой долгий и упорный труд обычно предшествовал публикации произведения. И, наоборот, в декабре 1876 г., когда Толстой, преодолев мрачное состояние духа, вдруг ожил и бодро принялся за «Анну Каренину», Софья Андреевна верно почувствовала, что теперь работа пойдет без перерыва до самого окончания романа, как и произошло в действительности (см. письмо от 9 декабря 1876 г.).

В письмах Софьи Андреевны личность Толстого часто отражается не только в прямом рассказе о нем, но и как бы опосредованно: зная многочисленную переписку Толстого с разными корреспондентами и его высказывания, можно увидеть своеобразное преломление его мыслей и чувств в мыслях и чувствах его жены. Совпадения, которые порой встречаются в высказываниях супругов, вполне естественны для близких людей, каждодневно связанных общим бытом, но и показательны в плане влияния Толстого на жену, возможно, ею не всегда осознаваемого. Самый простой случай совпадения — лексический повтор — можно увидеть в письмах зимы 1877 г. 25 января 1877 г. Софья Андреевна пишет сестре, что Толстой отправил материал для январского

номера журнала, но теперь «что-то запнулся»⁵³. В это же самое время, возможно, в тот же самый день и Толстой сообщает Страхову о возникших трудностях в работе: «<...> я запнулся на февральской книжке и мысленно еще только выбираюсь из этого запнутия» [9, с. 308].

Интересна реакция супругов на письмо Страхова от 13 февраля 1875 г. Рассказывая об успехе первых глав романа, критик упоминает и скептиков, которые не увидели в новом произведении ничего важного, особенного и отнесли его к разряду произведений великосветской беллетристики. Сообщение Страхова отразилось и в письме Софьи Андреевны от 29 марта 1875 г. — «<...> многие в недоумении, что слишком просто; но это-то всех и поражает»⁵⁴ — и в ответе Толстого: «Всё так не *просто* (просто — это огромное и трудно достигаемое достоинство, если оно есть), но неизменно. Замысел такой частный» [9, с. 142]. У Софьи Андреевны — передача толков об «Анне Карениной», содержащихся в письме Страхова, у Толстого — полемический комментарий, при этом у супругов в качестве определения романа употребляется эпитет «просто», которого нет в письме критика. Это слово как характеристика романа появилось у Толстого еще в 1874 г., когда он планировал опубликовать роман отдельной книгой. В письме тому же Страхову от 6 марта 1874 г. он писал, что успеха не ждет, потому что очень просто [9, с. 71]. Об этом же и почти в тех же словах Толстой писал и А.А. Толстой [11, с. 309].

Совпадает Софья Андреевна с Толстым (возможно, осознанно или неосознанно следует за ним) и в осмыслении каких-то важных жизненных событий. Осенью 1875 г., опасаясь за жизнь жены, Толстой так описал Фету свое душевное состояние: «Страх, ужас, смерть, веселье детей, еда, суета, доктора, фальшь, смерть, ужас» [9, с. 216]. Сравним, что писала Софья Андреевна 25 февраля 1877 г. сестре, откликаясь на смерть ее дочери Тани: «И потом, как всегда бывает в горе, так стало мне странно, что хотя у меня такой камень на душе, а вся жизнь идёт своим порядком; и дети уроки учат, и чай пьют, и я должна спешить корректуры переписывать»⁵⁵. Оба супруга фиксируют момент схождения в одной точке жизни и смерти, странное ощущение нереальности жизни в присутствии смерти. Только у Толстого

⁵⁰ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 25 января 1877 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3214. Л. 5.

⁵¹ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 27 июня <1875 г.> // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3188. Л. 2 об.

⁵² Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 6 февраля 1874 г. Л. 1.

⁵³ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 25 января 1877 г. Л. 5.

⁵⁴ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 29 марта 1875 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3184. Л. 2.

⁵⁵ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 25 февраля 1877 г. Л. 2 об.

это чувство выражено сильнее и эмоционально действеннее, поскольку он не объясняет свою мысль, а просто закрепляет в одном однородном ряду разнородные понятия, которые говорят сами за себя.

Смерть годовалого сына Пети вызывает у Толстых сходные переживания: речь идет не только о вполне понятном чувстве горя от потери, которое они оба испытали, но и об отношении к смерти. Толстой в письме А.А. Толстой от 6 марта 1874 г. рассказал, что он смотрит на смерть как «приближение к своему концу», поэтому и смерть близкого человека воспринимается как то, что «не больно, а только важно, значительно и прекрасно» [11, с. 309]. И, хороня сына, Толстой, как он признавался, в первый раз озабочился тем, где похоронить его самого [11, с. 309]. 19 декабря 1873 г. и Софья Андреевна сходным образом писала сестре: «<...> одно странно, что мне близка стала мысль о том, что в эту самую яму, куда опустили моего ребенка, опустят и меня, и это не страшно, но даже приятно, и эта яма, как будто мое место самое лучшее и законное, а теперь все только покамест» [6, с. 176].

III

Письма Т.А. Кузминской дают иной ракурс восприятия «Анны Карениной» — они отражают мнение читателя, впервые открывающего для себя новое творение известного автора. Среди многочисленных откликов современников, зафиксированных в личных документах (письмах, дневниках), опубликованных на страницах многочисленных периодических изданий, отзывы Татьяны Андреевны имеют одно важное преимущество: она входила в близкий круг семьи Толстых и хорошо знала их жизнь, внутренние отношения, живя летом по несколько месяцев в Ясной Поляне, могла свободно беседовать с писателем, а из писем сестры узнавала многообразные подробности о его литературной работе. Для Кузминской, как и для Софьи Андреевны, «Анна Каренина» — это роман милого Левочки, талантливого, но при этом близкого и родного человека, поэтому и читала она текст несколько иным взглядом, чем многие из ее современников, и видела в нем детали, возможно, не заметные стороннему наблюдателю.

Татьяна Андреевна была читательницей эмоциональной, живо восприимчивой, увлекающейся, она не вдавалась в анализ художественных достоинств или недостатков «Анны Карениной», не оценивала авторский замысел с точки зрения важности и актуальности его для современного

общественного момента, она с увлечением следила за развитием сюжета, переживала за судьбы героев. Ее письма передают живую, непосредственную реакцию читательницы, которая отдается чтению без предвзятого мнения, без предубеждения, чем грешили многие критики, писавшие статьи об «Анне Карениной». Дело тут было не только в ее близких отношениях с автором (Татьяна Андреевна могла откровенно высказать свое мнение, не стесняясь авторитета Толстого): роман очень понравился Кузминской, и она не скрывала того наслаждения, которое испытывала при его чтении. Так, 18 марта <1876 г.> она пишет сестре: «Вчера Оголина⁵⁶ прислала мне февральскую книгу Русского Вестника⁵⁷, и я (Саши не было дома), не отрываясь, прочла ее, это такая прелесть, такая живая вещь, которая поднимает тебя, когда прочтешь ее. Ну под конец я ревела, как будто сама кого-то лишилась»⁵⁸. Не менее сильное впечатление произвела и декабрьская книжка журнала за 1876 г., в которой были напечатаны главы XX–XXIX пятой части романа: «В декабрьской книжке Анна Каренина», я плакала как дура. Эта сцена между матерью и сыном всем, всем бросается в глаза своей прелестью. Со всех сторон слышу. Сегодня достали январскую⁵⁹, вот как мы здесь отстали, у кого и есть Русск<ий> в<естник>, насилу достанешь, а в библиотеке и думать нечего»⁶⁰. О третьей книжке «Русского вестника» за 1877 г. с первыми пятнадцатью главами седьмой части романа, Татьяна Андреевна делится впечатлениями 11 мая 1877 г.: «Вчера читала март Анны Карениной и еще под впечатлением, и узнавала вас и вашу жизнь (т.е. не описание, где находились и что делали), но с таким талантом описанные моральные неуловимые отношения, которые я теперь в этом описании поймала. Ну и роды, это такая прелесть, общий голос похвалы, а у меня, видно, глаза на мокром месте, я так слезы глотала»⁶¹.

⁵⁶ Софья Николаевна Оголина, жена знакомого Толстого, председателя судебной палаты в Тифлисе Александра Степановича Оголина.

⁵⁷ Февральский номер журнала высоко оценила и Софья Андреевна (см. ее письма к сестре от <около 21 февраля 1876 г.> и от 17 марта <1876 г.>).

⁵⁸ Кузминская Т.А. Письмо к С.А. Толстой от 18 марта <1876 г.> // ОР ГМТ. Ф. 47. № 7008. Л. 3 об.

⁵⁹ В первом номере «Русского вестника» за 1877 г. были опубликованы первые двенадцать глав шестой части романа.

⁶⁰ Кузминская Т.А. Письмо к С.А. Толстой от <начала апреля 1877 г.> // ОР ГМТ. Ф. 47. № 6978. Л. 4 об.

⁶¹ Кузминская Т.А. Письмо к С.А. Толстой от 11 мая <1877 г.> // ОР ГМТ. Ф. 47. № 7021. Л. 1 об. — 2.

Страстная заинтересованность романом видна и в нетерпеливом ожидании новых глав, эмоционально выраженном желании поскорее прочесть продолжение, в досаде на случающиеся перерывы в печатании романа. «Упреки» в адрес Толстого, заставляющего мучительно ждать продолжения романа, довольно часто встречаются в письмах Кузминской:

Поздравь от меня Левочку с наступающими именинами, что же ты пишешь все, он много занимается, а Анны Карениной нет как нет. Может быть, в январской книжке. Мы сидим почастью без почты по неделям, вот теперь уже 4 дня как нет. Все как ждут его романа⁶²;

Клянйся от меня Левочке, если бы он только знал, как все ждут в Вестнике продолжение Анны Карениной! и ужасаются, что до сих пор нет. Пишет ли он, напиши мне, или опять охота мешает⁶³;

Может ли это быть, что Левочка не принялся до сих пор за писание? Всегда уже с октября он принимался за занятия, какая жалость, что так долго не выходит Анна Каренина, все, все ропшут. Это, верно, охота виновата <...>⁶⁴;

Клянюсь Левочке, и неужели он не пишет? а Боже мой, как все ждут⁶⁵;

Поздравляю с праздниками, какое счастье, что Левочка опять пишет, для всех это будет радость, а то право, потеряли надежду прочесть конец Анны Карениной. Это зима на него так хорошо действует, 20 гр<адусов> морозу!⁶⁶.

Кузминская не только делилась личными читательскими впечатлениями, но и прислушивалась к мнению друзей и знакомых, давая возможность погрузиться в атмосферу толков и слухов, окутавших появление романа. Шумный успех литературной новинки автора, который составлял ее близкий семейный круг, не мог не льстить и Татьяне Андреевне. В то же время она откликнулась и на просьбу сестры, которая, как отлично это знала Кузминская, была не равнодушна к славе супруга и которая просила в письме от 29 марта 1875 г. рассказать, что говорят об «Анне Карениной». 19 апреля 1875 г. Кузминская приводит слова Нины Александровны Арсеньевой, жены тульского чиновника: «Посылаю свою карточку, которую делала для Арсеньевой. Получила

на днях такое длинное милое письмо, которое меня очень тронуло, и просила непременно карточку. Она пишет про тебя, Левочка. “Дорого я дала бы за возможность поговорить о нём с вами. Какая вы счастливая, что у вас такой beau frère, что вы с ним разговариваете, слышите его суждения, мнения, когда они еще совсем свежие, новые. Ни в одном писателе, ни в одном просто человеке я не встречала таких родных, живых струн, никто в мире не интересует меня, как он, и никому в мире я не завидую, как вам, оттого что вы его видите и знаете его в обыденной жизни, в которой всякий человек делается лучше. Его роман прелесть. Жестоко мучить людей, помещать в Р<усский> в<естник>, которого ждешь 2 месяца”. Я читала эти дни еще раз твой роман и опять с тем же наслаждением. Кто еще всякий раз, как видит меня, восхищается им, это Оголин <...>»⁶⁷. Об общем впечатлении пишет Кузминская и 18 марта <1876 г.>: «Во дворце на приеме Саша⁶⁸ слышит разговоры о Левочкином таланте вообще и об Анне Карениной. Приедешь куда, ни один вечер не обойдется без разговора об Анне Карениной. Боже мой, думаю, неужели это во всех городах»⁶⁹.

* * *

В переписке сестер «Анна Каренина», естественным образом, стоит в одном ряду с самыми разнообразными событиями жизни — родинами, крестинами, именинами, посещением гостей, планами на лето. И то, что для исследователя является фактом истории литературы, важным, бесценным, требующим серьезного изучения, для них является частью их жизни, быта — да, частью очень значимой, но все же входящей в круг их повседневности. Для Софьи Андреевны Толстой — не только знаменитый писатель, но прежде всего муж, отец семейства, человек, со своим характером, своими привычками. В своих письмах она подробно рассказывает о жизни всей семьи, поэтому упоминания о романе не вычленяются из круга общих событий: «Анна Каренина», кормление ребенка, распоряжения по хозяйству, сборы в поездку, закупка продуктов, приезд гостей, чтение книг, — все эти события даны в одном ряду. Письма же Татьяны Андреевны дают возможность почувствовать ту живую волну интереса,

⁶² Кузминская Т.А. Письмо к С.А. Толстой от <31 января — 1 февраля 1876 г.> // ОР ГМТ. Ф. 47. № 7009. Л. 2 об.

⁶³ Кузминская Т.А. Письмо к С.А. Толстой от 13 октября <1876 г.> // ОР ГМТ. Ф. 47. № 7015. Л. 4 об.

⁶⁴ Кузминская Т.А. Письмо к С.А. Толстой от 4 ноября 1876 г. // ОР ГМТ. Ф. 47. № 7011. Л. 2—2 об.

⁶⁵ Кузминская Т.А. Письмо к С.А. Толстой от 27 ноября <1876 г.> // ОР ГМТ. Ф. 47. № 7014. Л. 3 об.

⁶⁶ Кузминская Т.А. Письмо к С.А. Толстой от <второй половины декабря 1876 г.> // ОР ГМТ. Ф. 47. № 7017. Л. 4 об.

⁶⁷ Кузминская Т.А. Письмо к С.А. Толстой от 19 апреля <1875 г.> // ОР ГМТ. Ф. 47. № 6979. Л. 8—8 об.

⁶⁸ Александр Михайлович Кузминский, муж Татьяны Андреевны.

⁶⁹ Кузминская Т.А. Письмо к С.А. Толстой от 18 марта <1876 г.> Л. 3 об.

который вызвал роман у современников. Переписка сестер позволяет взглянуть на «Анну Каренину» не как на шедевр мировой литературы, а как на роман милого Левочки, который то пишется, то не пишется.

Приложение.

Упоминания о романе «Анна Каренина»
в письмах С.А. Толстой

1873 год

20 марта: «Вчера Лёвочка вдруг начал неожиданно писать роман из современной жизни. Сюжет романа — неверная жена и вся драма, происшедшая от этого. Я этому рада; ты тоже, верно, будешь рада. А все лица из времен Петра Великого у него готовы, одеты, наряжены, посажены по своим местам, но еще не дышат. Я это ему вчера сказала, и он согласился, что правда. Может быть, и они задвигаются и начнут жить, но еще не теперь» [л. 2—2 об.].

25 августа: «До 1-го сентября я намереваюсь отдыхать и прогонять молоко, а там начнется у нас ученье, кройка и работа зимних платьев, чтение по вечерам, и одинокая, тихая жизнь. Иногда я думаю: ох, как скучно! А иногда упрекаю себя за это и говорю: слава Богу, все благополучно! Здоровье Лёвочки очень хорошо, он собирается работать»⁷⁰.

19 декабря: «У нас теперь все благополучно, только у Левочки побаливает бок и он слегка кашляет, что меня всегда очень смущает; но это он простудился, а кроме того, он много пишет, а это всегда в ущерб его здоровью. После смерти Петюшки он долго не мог приняться за дело, и теперь иногда жалеет и вспоминает его, и ждёт больше меня нового ребёночка; а я довольно равнодушна и вообще никогда не испытываю нежности к неизвестному» [л. 1 об.]. И в конце письма: «Вот, наверное, тебе понравится новый роман Лёвочки. Очень будет хорош; но когда кончится — неизвестно» [л. 2 об.].

1874 г.

9 января: «Мне тебе хотелось бы написать что-нибудь интересное, но когда подумаю, мне и самой смешно, что я из дому не выхожу целыми неделями, и нынче: читать по-французски с Таней, играть на фортепиано с Илюшей, завтра что-нибудь опять в том же роде и вперемижечку кроить лифчики Лёли или воротнички Маши и т.п. По вечерам я очень много переписываю;

⁷⁰ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 25 августа 1873 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3166. Л. 2 об.

роман Лёвочкин все двигается; иногда играем в 4 руки, ужинаем в час, и потом я, усталая до крайности, ложусь в постель и читаю до третьего часа английские романы» [л. 2]. И в конце письма: «Мне пропасть переписыванья и потому прощай, милая Таня, целую всех вас» [л. 2 об.].

6 февраля: «Мы обе с тобой нынешний год не очень усердно переписываемся, милая Таня, что тебе более стыдно; тебе, кроме писем, писать нечего, а я во все свободное от детских уроков время пера из рук почти не выпускаю, все переписываю Лёвочкин роман, который он по своей всегдашней привычке перемарывает и переделывает без конца. И сейчас переписывала, и под твоим письмом лежат мелко исписанные листки дальнейших глав романа, и все-таки не скоро окончится всё» [л. 1].

2 марта (приписка к письму от 27 февраля) «<...> Лёвочка уехал по делам в Москву, а я с помощью Феодора Феодоровича»⁷¹ с утра до ночи вожусь с детьми, ученьем и работой. И трудно как на последних неделях возиться, а дела пропасть. По крайней мере труды отвлекают от грустных мыслей. В числе разных дел Лёвочка повёз отдавать в печать свой новый роман, первую часть, а мне оставил переписывать уже вторую, которой много написано» [л. 2 об.].

16 октября (приписка к письму от 12 октября): «В том доме у нас целая толпа учителей народных школ, человек 12-ть, приехали на неделю, Левочка им показывает свою методу учить грамоте ребят, и что-то они там обсуждают, навезли ребят из Телятенки и Грумонта, таких, которые еще не начинали, и теперь вопрос о том, как скоро они выучиваются по Лёвочкиной методе. Роман совсем заброшен, и это меня огорчает»⁷².

8 ноября: «Лёвочка уехал на порошу, он свой роман продает в журнал, просит по 500 р.с. за лист и, верно, дадут. Но он не занимается, а очень прирастал к школам и занят весь этим делом; я его почти не вижу, или он в школе, или на охоте, или внизу, в кабинете, с учителями, которых он обучает, как учить»⁷³.

⁷¹ Федор Федорович Кауфман, гувернер сыновей Толстых с 1872 по 1874 г.

⁷² Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 12 октября и 16 октября <1874 г.> // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3168. Л. 1 об.—2. В работах Н.Н. Гусева [5, с. 158]; [6, с. 175], а также в Полном собрании сочинений Толстого в 90 томах [2, 591] письмо неверно датировано 1873 г.

⁷³ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 8 ноября 1874 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3178. Л. 2—2 об. В Ясную Поляну приехали учителя народных школ, которым Толстой показывал свой метод обучения детей грамоте.

26 ноября: «Лёвочка взялся за школы и весь в них ушел, и я не могу, хотя желаю, ему сочувствовать. Если б он писал свой роман, было бы лучше. Прощай, милая Таня, будь здорова; перестанем тосковать, ведь жить надо, так надо стараться получше прожить. Целую тебя, Сашу и детей. Вы все мне так милы, и я о вас часто думаю. У нас уж все слишком умно, и мне не по силам иногда»⁷⁴.

10 декабря: «Лёвочка выдумал писать еще Азбуку для детей, по примеру Американских first, second и third reader. Ты, верно, видела у нас, где first reader начинается с очень коротких слов, и так идёт постепенно; и будет продаваться по 8 или 10 копеек. Роман не пишется, а из всех редакций так и сыпятся письма, 10 тысяч вперед, и по 500 р. с. за лист. Лёвочка об этом и не говорит, и как будто дело не до него касается. А мне Бог с ними, с деньгами, а главное просто, то его дело, т.е. писанье романов, я люблю и ценю и даже волнуясь им всегда ужасно; а эти азбуки, арифметики, грамматики я презираю и притворяться не могу, что сочувствую. И теперь мне в жизни чего-то недостает, чего-то, что я любила; и это именно не достает Лёвочкиной работы, которая мне всегда доставляла наслаждение и внушала уважение. Вот, Таня, я настоящая писательская жена, как к сердцу принимаю наше авторское дело.

О себе лично нечего тебе сказать. Я учу, кормлю, как машина, с утра до ночи и с ночи до утра. Переписывала и азбуку, но когда увидела, что дело не скоро кончится, то мне эти короткие слова, эти фразы: Маша ела кашу и проч., — так надоели, что я бросила, пусть писарь переписывает, мое дело было переписывать бессмертную Войну и мир или Анну, а это скучно» [л. 2—2об.].

1875 год

30 января: «С этими двумя вещицами мы посылаем детям с ёлки в подарок от наших детей разные вещицы. А три ящичка раздай всякой по принадлежности. Такая досада, нечего мне послать хорошенького, ни разу даже в Туле не была. Теперь придётся ехать, Самариной⁷⁵ визит надо отдать; она на днях была у нас, и было натянуто и скучно. А то давно никого у нас не было, и я дичаю и дичаю все больше и больше. Но последнее

время не скучно, погода ясная, зимняя, все здоровы, ученье идёт хорошо, Лёвочка *поневоле* засел за свой роман, и у него теперь спешная работа для февральского номера Русск<ого> вестника. В январской книге уже напечатана 1-я часть, хотя мы её и не получали еще; и 10 тысяч нам заплатили» [л. 1—1 об.].

23 февраля: «Роман Лёвочки печатается, и говорят, что имеет страшный успех; но мне это странное возбуждает чувство; у нас такое горе⁷⁶, а нас так празднуют везде» [л. 3 об.].

29 марта: «Роман Лёвочки, кажется, имеет успех, хотя многие в недоумение, что слишком просто; но это-то всех и поражает. Он все пишет и, кажется, доведёт до конца. Интересно, что у вас в Тифлисе говорят; напиши при случае» [л. 2].

26 августа: «Лёвочка сердится, что я долго письма пишу и потому спешу кончить. Я и правду очень устала и болит всегда от писанья спина и плечо. Дети здоровы, только кашляют. У нас много грибов, и мы все ходим в посадку; такие маленькие крепыши подберезнички. Ученье еще не наладилось, начнётся с 1-го сентября. Пока у меня много хлопот, устройства дома, работ и проч. Никого еще друзей и знакомых не видали, вернулись только 22-го вечером⁷⁷. Лёвочка тебе и Саше кланяется, он налаживается писать и ходит на охоту» [л. 3—3 об.].

17 сентября: «Лёвочка еще совсем почти не занимается, все охотится и говорит, что “не идёт”. Здоровье его, слава Богу, совсем хорошо, только он очень поседел» [л. 2 об.].

12 декабря: «Мы все теперь здоровы, хотя коклюш меня не покидает до сих пор; старших детей сегодня попытались пустить гулять на несколько минут, потому что стало теплей. Лёвочка начинает заниматься романом, который как только будет готов, то опять будет печататься в Русском вестнике. Дело шло бы успешнее, если б не моя, а потом тётенькина⁷⁸ болезнь, которую он очень принимает к сердцу. Он, слава Богу, все время был здоров, и теперь только сильный насморк у него» [л. 1 об.—2].

25 декабря: «Лёвочка взялся очень усердно за Анну Каренину, и, если б не вся эта грустная история с тётенькой, я бы уж переписывала и, может быть, вышли бы следующие главы в январе, а теперь вряд ли поспеют» [л. 2 об.].

⁷⁴ Толстая Т.Л. Письмо к Т.А. Кузминской от <26 ноября 1874 г.> // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3179. Л. 2 об. В этом письме на л. 2 и 2 об. сделала приписку С.А. Толстая, проставив дату 26 ноября. Год определяется содержанием.

⁷⁵ Александра Павловна Самарина, жена тульского помещика П.Ф. Самарина.

⁷⁶ Имеется в виду смерть сына Толстых Николеньки.

⁷⁷ Лето 1875 г. семья Толстых провела в своем самарском имении.

⁷⁸ Имеется в виду Пелагея Ильинична Юшкова.

1876 год

28 января: «У нас теперь чудное время. Ясные, не слишком холодные дни и лунные прелестные ночи. Все теперь, слава Богу, здоровы и как будто с нового года только начали жить, а то такое было тяжелое время. Лёвочка отдал в январскую книгу Русск<ого> вестника продолжение своего романа и продолжает работать дальше. Я надеюсь, что он к весне кончит роман и к лету будет свободен»⁷⁹.

<Около 21 февраля>: «Ты пишешь, что у вас еще нет Русск<ого> вестника и Анны Карениной. А уж теперь вышли два номера, последний, февральский, верно, только что, и, по-моему, очень хорошо то, что во 2-й книге. Теперь и на март уж готовится; но Лёвочка моим нездоровьем тревожится, и я ему мешаю часто этим заниматься. Он меня за границу все зовёт, но теперь, летом, я, конечно, не уеду, и дома хорошо, и с тобой не расстанусь, а осенью, что Бог даст. Потом мы только что, благодаря срубленному лесу и роману Лёвочки, стали уплачивать долги, и вдруг делать такой расход — это было бы ужасно обидно»⁸⁰ [л. 3].

17 марта: «Читала ли ты Каренину? Январская книга не очень хороша, но февральская, по-моему, чудесна, а теперь Лёвочка, не разгибаясь, сидит над мартовской книгой, и все не готово. Впрочем, скоро будет готово; Катков закидал телеграммами и письмами» [л. 2]. И в конце письма: «Прощай, Таня милая, целую вас всех. Письмо коротко, но, право, нечего писать, все то же и то же. Мы сидим теперь втроем: Лёвочка, дядя Костя⁸¹ и я, в зале, в устроенном за трельяжами уголке, за круглым столом. Лёвочка поправляет свое писанье, дядя делает пасьянс. Уже поздно и пора спать» [л. 2 об.].

19 октября: «Завтра ждём Фета, а послезавтра Дьякова⁸². Как видишь, у нас постоянно гости, и даже занятиям немного мешают. Впрочем, Лёвочка за писанье свое еще не взялся, и меня это очень огорчает. Музыку он тоже бросил и много читает, и гуляет, и думает, собирается писать. Свою учительскую семинарию тоже он собирается устроить и уже нанял для этого кончившего курс в университете. Сегодня этот молодой человек приедет, и он же будет учителем русским

у Серёжи. В том доме воздвигнут лавки, столы, чинят и вставляют рамы, и вместо милых вас будут какие-то чуждые лица мужиков, семинаристов и проч.» [л. 2–2 об.].

11 ноября: «День за день идёт, и так скоро время проходит, верно, от того, что однообразно живём. Вчера Лёвочка вернулся из Москвы, куда ездил себе платье и обувь покупать. Купил также чудесную шубу медвежьей за 450 р.с., и халат, и проч. Это я уж очень его стыдила, что плохо он одет. Но он приехал унылый и не совсем здоровый. Война⁸³ всех ужасно занимает и только и толков, что о войне. Патриотизм на этот раз действительно очень велик, даже нас, деревенских смиренных жителей, забирает. Но что-то из всего этого выйдет»⁸⁴. И в конце письма: «Лёвочка совсем не пишет, в унынии и все ждет, когда уяснится у него в голове и пойдет работа. Это очень грустно и отвращает мое спокойствие и жизнь»⁸⁵ [л. 3 об.].

9 декабря: «Анну Каренину мы пишем наконец-то по-настоящему, т.е. не прерываясь, Лёвочка, оживленный и сосредоточенный, всякий день прибавляет по целой главе; я усиленно переписываю, и теперь даже под этим письмом лежат готовые листки новой главы, которую он вчера написал. Катков телеграфировал третьего дня, умоляя прислать несколько глав для декабрьской книжки, и Лёвочка сам на днях повезет в Москву свой роман. Я думаю, что теперь в декабре напечатают и потом пойдет так далее, пока кончится все»⁸⁶.

1877 г.

25 января: «Читали ли вы Анну Каренину в декабрьской книге? Успех в Петербурге и Москве удивительный, я даже не ожидала, но упиваюсь с наслаждением славой своего супруга. Хвалят и на словах, и в обзорах; я читала в Голосе, а еще, говорят, в Новом времени и еще где-то хвалят. Для январской книги тоже послано уже в типографию, но теперь Лёвочка что-то запнулся и все говорит: “Ты на меня не ворчи, что я не пишу, у меня голова тяжела”, — и ушел зайцев стрелять. Я-то ворчать! С какого права. Сама я веду праздную жизнь, почти ничего не делаю и начинаю

⁷⁹ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 28 января 1876 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3197. Л. 1 об.

⁸⁰ Ср. с признанием Толстого брату С.Н. Толстому 21 февраля 1876 г.: «Дела, как и у всех, были бы очень плохи, если бы не писанье и лес; тем и кормлюсь и тем собираюсь тебе платить» [9, с. 248].

⁸¹ Константин Александрович Иславин, дядя С.А. Толстой.

⁸² Дмитрий Алексеевич Дьяков, друг Толстого еще со студенческих лет в Казани.

⁸³ Имеется в виду назревавшая война с Турцией.

⁸⁴ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 11 ноября 1876 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3204. Л. 1.

⁸⁵ В эти же дни Толстой писал А.А. Фету: «Ездил я в Москву узнавать про войну. Всё это волнует меня очень. <...> Сплю и не могу писать» [9, с. 288–289]. О своем состоянии почти в тех же словах Толстой писал и Страхову 12...13 ноября 1876 г. [12, с. 291].

⁸⁶ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 9 декабря 1876 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3205. Л. 1 об.—2.

этим баловаться; зато поправлюсь, а то здоровье было совсем плохо стало» [л. 5].

25 февраля: «<...> Лёвочка ходил на лыжах и тоже упал и ударился головой о дерево, и удар был настолько силен, что он ошалел и была шишка на одном месте и шрам на другом. С тех пор у него все болит голова и приливы очень сильные, и меня очень беспокоит его состояние. Может быть, это и не от ушиба, а от усиленного писанья и даже просто нервно, но я его упростила ехать к Захарьину, и он поехал и обещал серьёзно заняться своим здоровьем» [л. 3] И далее: «Я не могу и не умею утешать тебя, милая Таня⁸⁷, может быть, Лёвочка это лучше умеет, и он написал бы тебе; но вчера он не мог, слишком был поражен, а нынче он спешил на поезд и едва поспел; как встал, так и уехал, даже кофе не пил. Ему надо было ехать для Захарьина и для того, чтобы в Москве поправлять корректуры, и так страшно опоздали из-за его романа с февральской книгой Вестника» [л. 4].

12 марта: «Я все это время в тревоге о Лёвочке. Захарьин поставил ему пиявки, но лучше не стало. Хотя на вид он и здоров, т.е. толст, красен, все есть, но руки всегда холодные, голова постоянно болит, пойдет ходить — устанет, спит и вздрагивает ужасно, и я боюсь одного — это удара. И судя по словам Захарьина, он не считает это невозможным. Все это время он много писал, и во всякой книге Вестника печатается Анна Каренина. В апрельской книге будет конец, и над ним теперь придётся еще много работать. Я рада буду, когда он кончит этот роман и хорошенько отдохнет. Ты не поверишь, Таня, как я иногда тревожусь и, по свойственной мне мнительности, может быть, и преувеличиваю, но все-таки очень страшно. Сама я и дети здоровы. Новенького ничего нет. Учимся все очень много; я учу Таню, Лёлю и Машу по-русски, и до мальчиков теперь не касаюсь. И то дела довольно. Вышиваем мы общими силами в пятах полосу по канве на кресло; очень красиво выходит. Переписывать много приходится, но я этим не скучаю» [л. 1–1 об.].

15 апреля: «У нас теперь везде только и мыслей, только и интереса у всех, что война и война. 12-го апреля был объявлен манифест; верно, и у вас волнение. Признаюсь, даже меня затронуло; в первый раз, как взрослая, переживаю войну, и нельзя быть равнодушной. И это томительное ожидание и вопрос, чем эта война кончится, меня почти не оставляет. Лёвочка странно относился к сербской войне; он почему-то смотрел не так, как все, а с своей, личной, отчасти религиозной

точки зрения, теперь он говорит, что война настоящая и трогает его; впрочем, я не умею объяснить его взгляда, а вот прочтёшь в Эпиглоге Анны Карениной, в апрельской книге, где и будет совсем конец. Это уж прочтёшь у нас, вероятно»⁸⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстая С.А. Моя жизнь: в 2 т. Т. I. 1844–1886. М.: Кучково поле, 2011.
2. Гудзий Н.К. История писания и печатания «Анны Карениной» // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 20: «Анна Каренина». Черновые редакции и варианты. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1939. С. 577–643.
3. Жданов В.А., Зайденинур Э.Е. История создания романа «Анна Каренина» // Толстой Л.Н. Анна Каренина / серия «Литературные памятники». М.: Наука, 1970. С. 803–833.
4. Толстая С.А. Дневники: в 2 т. Т. 1: 1862–1900. М.: Художественная литература, 1978.
5. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии: с 1870 по 1881 год. М.: Издательство АН СССР, 1963.
6. Гусев Н.Н. Жизнь Л.Н. Толстого. Л.Н. Толстой в расцвете художественного гения (1862–1877). <М>: издание Толстовского музея, <1927>.
7. Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого: в 2 кн. М.: Алгоритм, 2000.
8. Толстой И.Л. Мои воспоминания. М.: издательство «Правда», 1987.
9. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 62: Письма 1873–1879 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953.
10. Городилова (Романова) Н.И. Авторское присутствие в романе «Анна Каренина»: документальное в художественном // Документально-художественная литература в России XVIII–XIX вв. / отв. ред. В.М. Гуминский. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 391–404.
11. Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857–1903). М.: Наука, 2011.
12. Л.Н. Толстой — Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. Т. 1: Письма 1870–1878. М.: Группа славянских исследователей при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого, 2003.

REFERENCES

1. Tolstoy, S.A. *Moia zhizn: v 2 t. T. I. 1844–1886* [My Life: In 2 Volumes. Vol. I. 1844–1886.]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2011. (In Russ.)

⁸⁷ Речь идет о смерти дочери Татьяны Андреевны — Тани.

⁸⁸ Толстая С.А. Письмо к Т.А. Кузминской от 15 апреля 1877 г. // ОР ГМТ. Ф. 25. № 3217. Л. 1 об.

2. Gudziy, N.K. *Istoriia pisaniia i pechataniia "Anny Kareninnoi"* [The History of the Writing and Printing of "Anna Karenina"]. Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 20: "Anna Karenina". Chernovye redaktsii i varianty*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo "Khudozhestvennaia literatura" Publ., 1939, pp. 577–643. (In Russ.)
3. Zhdanov, V.A., Zaidenshnur, E.E. *Istoriia sozdaniia romana "Anna Karenina"* [The History of the Creation of the Novel "Anna Karenina"]. Tolstoy, L.N. *Anna Karenina*. Series "Literaturnye pamjatniki". Moscow: Nauka Publ., 1970, pp. 803–833. (In Russ.)
4. Tolstoy, S.A. *Dnevnik: v 2 t. T. 1: 1862–1900* [Diaries: in 2 Volumes. Vol. 1: 1862–1900]. Moscow: Hudozhestvennaja literature Publ., 1978. (In Russ.)
5. Gusev, N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoj. Materialy k biografii: s 1870 po 1881 god* [Lev Nikolaevich Tolstoy. Materials for the Biography: From 1870 to 1881]. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1963. (In Russ.)
6. Gusev, N.N. *Zhizn L.N. Tolstogo. L.N. Tolstoj v rastsvete khudozhestvennogo geniia (1862–1877)* [Life of L.N. Tolstoy. L.N. Tolstoy at the Height of His Artistic Genius (1862–1877)]. <Moscow>: izdanie Tolstovskogo muzeia Publ., <1927>. (In Russ.)
7. Biryukov, P.I. *Biografiia L.N. Tolstogo: v 2 kn.* [Biography of L.N. Tolstoy: in 2 Books.]. Moscow: Algoritm Publ., 2000. (In Russ.)
8. Tolstoy, I.L. *Moi vospominaniia* [My Memories]. Moscow: izdatelstvo "Pravda" Publ., 1987. (In Russ.)
9. Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 62: Pisma 1873–1879 gg.* [Complete Works: in 90 Volumes. Vol. 62: Letters from 1873 to 1879]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1953. (In Russ.)
10. Gorodilova (Romanova), N.I. *Avtorskoe prisutstvie v romane "Anna Karenina": dokumental'noe v khudozhestvennom* [Author's Presence in the Novel "Anna Karenina": Documentary in Fiction]. *Dokumental'no-khudozhestvennaia literatura v Rossii XVIII–XIX vv.* [Documentary and Fiction Literature in Russia in the 18th and 19th Centuries.]. Ed. V.M. Guminskii. Moscow, IMLI RAN Publ., 2022, pp. 391–404.
11. *L.N. Tolstoj i A.A. Tolstaja. Perepiska (1857–1903)* [L.N. Tolstoy and A.A. Tolstoy. Correspondence]. Moscow: Nauka Publ., 2011. (In Russ.)
12. *L.N. Tolstoj – N.N. Strahov. Polnoe sobranie perepiski: v 2 t. T. 1: Pisma 1870–1878* [L.N. Tolstoy – N.N. Strakhov. Complete Collection of Correspondence: in 2 Volumes. Vol. 1: Letters 1870–1878]. Moscow: Gruppya slavjanskih issledovatelej pri Ottavskom universitete i Gosudarstvennyj muzej L.N. Tolstogo Publ., 2003. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 26 февраля 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 мая 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 октября 2024 г.
 Дата публикации: 31 декабря 2024 г.

Received by Editor on February 26, 2024
 Revised on May 15, 2024
 Accepted on October 15, 2024
 Date of publication: December 31, 2024